

Поѣздка въ чужіе края К. С. Аксакова.

(Письма къ роднымъ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатаемыя ниже письма Константина Сергѣевича Аксакова доставлены мнѣ въ переписанномъ видѣ въ 1896 году нынѣ покойнымъ княземъ Николаемъ Владиміровичемъ Шаховскимъ, бывшимъ въ то время Московскимъ цензоромъ, а впослѣдствіи начальникомъ Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати.

Поѣздка, вызвавшая собой эти письма, была первою поѣздкой К. С. Аксакова за границу и относится къ 1838 году, въ которомъ ему исполнился 21 годъ (родился 29 марта 1817 г.).

Причиной поѣздки не столько было желаніе заняться за границей филологіей, сколько потребность отдохнуть, освѣжиться отъ пережитыхъ имъ волненій и тревогъ возвышенно чистой, романтической любви, столь типичной для нашихъ идеалистовъ-романтиковъ тридцатыхъ годовъ.

Подобно тому, какъ когда-то еще у родоначальника русскаго романтизма В. А. Жуковскаго, близкое родство помѣшало и любви К. С. Аксакова благополучно закончиться счастливымъ бракомъ.

Предметомъ его любви была двоюродная сестра его Машенька Карташевская, дочь родной сестры отца его Сергѣя Тимоѣевича, Надежды Тимоѣевны, выведенной имъ подъ именемъ Наташи въ „Дѣтскихъ годахъ Багрова внука“ и въ предсмертной повѣсти его „Наташа“.

Отцомъ Машеньки былъ Григорій Ивановичъ Карташевскій, учитель и воспитатель Сергѣя Тимоѣевича Аксакова, художе-

ственно изображенный имъ въ „Дѣтскихъ годахъ Багрова внука“. Прекрасный преподаватель математики въ казанской гимназіи, гдѣ учился С. Т. Аксаковъ, онъ, съ основанія казанскаго университета, становится адъюнктъ - профессоромъ; но затѣмъ онъ перешелъ чиновникомъ въ Петроградъ, дослужился до мѣста директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, которое занималъ съ 1824 по 1829 г., и былъ едва ли не главнымъ участникомъ или, по крайней мѣрѣ, подготовителемъ воссоединенія униатовъ съ Православною Церковью. Съ 1829 по 1835 г. онъ занимаетъ особенно трудный тогда и важный постъ попечителя Бѣлорусскаго Учебнаго Округа. Съ 1838 г. онъ получаетъ званіе сенатора въ Петроградѣ, гдѣ и скончался въ 1840 г.

Сестра С. Т. Аксакова, Надежда Тимоѣевна, будучи 16 лѣтъ, вышла замужъ сначала за сына владѣльца богатыхъ чугуновыхъ заводовъ Вятской губерніи Мосолова, но черезъ четыре года овдовѣла, а еще черезъ два, въ 1817 г., вышла вторично за Г. И. Карташевскаго. Доживъ до глубокой старости, она скончалась въ Петроградѣ въ августѣ 1887 г.

Поѣздка К. С. Аксакова въ чужіе края и вызванныя ею письма его къ роднымъ обнимаютъ собой всего четыре мѣсяца: первое письмо помѣчено 1-ымъ іюня 1838 г., послѣднее—2-ымъ октября того же года.

Онъ предполагалъ пробыть за границей долѣе, но скоро соскучился по роднымъ, которыхъ очень любилъ и съ которыми до тѣхъ поръ никогда надолго не разлучался, затосковалъ по родинѣ, къ которой былъ привязанъ всѣми силами своей русской души, и его стихійно, неодолимо потянуло назадъ, въ Россію, въ Москву.

Много лѣтъ спустя, въ концѣ своей жизни, въ стихотвореніи отъ 9 февраля 1859 года онъ такъ вспоминаетъ эту свою поѣзку за границу:

Былъ я и самъ, ужъ давно, за границею.
Нѣмцевъ любилъ я тогда;
Я полетѣлъ къ нимъ крылатою птицею,—
Думалъ прожить тамъ года.
Скоро чужіе края мнѣ наскучили:
Въ нихъ я вѣдъ самъ былъ чужой.
Дома, въ отечествѣ,—ясно ли, тучи ли,—
Всякому дѣлу я свой.

(Сочиненія К. С. Аксакова, т. I, стр. 125, изд. 1915 г.).

Любовь къ родинѣ, крѣпкое чувство народности въ письмахъ К. С. Аксакова изъ-за границы, какъ живой родникъ изъ-подъ земли, бьетъ иногда могучею струей.

Такъ, въ письмѣ къ дядѣ и теткѣ отъ 2-го августа онъ говоритъ:

„Еще при отъѣздѣ я живѣе почувствовалъ, что я—русскій. Теперь я вполне чувствую это, и люблю мое отечество, мою Россію сознательно, разумно“.

Въ письмѣ къ нимъ же отъ 29-го іюня читаемъ:

„У насъ нѣтъ многого, что здѣсь часто встрѣчаешь; для нашего народа не существуетъ еще значенія великихъ сокровищъ науки и искусства, которыми наслаждаться должно братья сюда; но наша исторія впереди. Многое лежитъ въ душѣ русскаго человѣка,—и лучше и глубже западныхъ народовъ пойметъ онъ ихъ же плоды науки и искусства. О, это я живо, живѣе чувствую здѣсь!“...

Думая о скоромъ возвращеніи въ Россію, въ Москву, К. С. Аксаковъ пишетъ своимъ родителямъ отъ 31 августа:

„Чудный, великій городъ! Здѣсь, въ Европѣ я не встрѣчалъ ни одного города хоть мало похожаго на Москву, и Москва и Россія остаются и теперь нераздѣльными въ понятіи всѣхъ иностранныхъ народовъ“.

Въ письмѣ къ родителямъ отъ 8 сентября онъ говоритъ:

„Мнѣ весело было идти между полей, освѣщенныхъ вечернимъ солнцемъ. Почти прямо противъ него, тамъ, далеко, еще далеко лежитъ моя Россія, безконечная... Тамъ, среди нея—Москва, а въ Москвѣ—вы, дражайшіе мои родители, братья и сестры! О, да что и говорить! Не упоминая даже о семейственныхъ связяхъ, о сердечномъ стремленіи, которыя ближе и потому всего крѣпче можетъ быть, Россія, земля самая—моя страна. Тамъ моя жизнь, тамъ кругъ моего дѣйствія, и, понимая общую жизнь человѣка, принимая общую для всѣхъ истину, я все остаюсь русскимъ, русскимъ,—для меня это ясно, и космополитизмъ кажется мнѣ теперь совершенною глупостью. Я—русскій... Но я теперь люблю больше, истиннѣе отечество, потому что истиннѣе понимаю его значеніе“.

Въ письмѣ къ нимъ же отъ 18-го сентября онъ пишетъ:

„О, когда завидю я Москву, что со мною будетъ! Или, если поѣду черезъ море, завидю русскую землю!“

Кромѣ стихійно-могучихъ порывовъ чувства восторженной любви къ родинѣ, которыхъ такъ много въ письмахъ К. С. Аксакова, въ нихъ неотразимо влечетъ къ себѣ живая, искренняя, правдивая душа его, которая смотритъ на васъ съ каждой ихъ страницы, и тѣ трогательныя проявленія движеній кристально чистаго, дѣтскаго, любящаго сердца, которыя сквозятъ и трепещутъ въ каждой строкѣ ихъ.

Тоска по умершемъ, нѣжно любимомъ отцѣ и быстро послѣ смерти его развившаяся у К. С. Аксакова скоротечная чахотка заставили его, по настоянію докторовъ и неотступнымъ просьбамъ осиротѣвшей послѣ отца семьи, предпринять, въ сопровожденіи любимаго брата, Ивана Сергѣевича, вторую поѣздку въ чужіе края, чрезъ 22 года послѣ первой.

Эта вторая поѣздка его за границу была въ то же время послѣдней: ему не суждено было вернуться оттуда живымъ на родину.

Знаменитые иноземные врачи дивились неизлечимой болѣзни этого богатыря, умиравшаго съ тоски по своему отцѣ. Ему не давали лекарства, не прописывали рецептовъ, совѣтовали только развлекать его и везти въ теплый морской климатъ, чтобы хоть нѣсколько продлить послѣдніе дни его. И вотъ онъ попалъ на островъ Занте въ греческомъ архипелагѣ.

На этомъ тихомъ, пустынномъ островѣ не было русскаго православнаго священника. Съ трудомъ нашелся грекъ, едва говорившій по-русски, у котораго и исповѣдывался К. С. Аксаковъ на столь любимомъ имъ языкѣ своей горячо любимой родины, и 7 декабря 1860 г. отдалъ Богу свою чистую, правдивую русскую душу.

Анатолій Александровъ.

I.

1838 г., 1 юни, 7 ч. дня.

Дилижансъ. Вторая станція.

Дражайшіе родители!—Мой товарищъ ¹⁾ спитъ, и теперь какъ-то грустнѣе мнѣ становится; но письмо откладываю до станціи. Писать неловко.

Мы пріѣхали на станцію, милые, дражайшіе родители, и вотъ я хочу написать вамъ еще нѣсколько строкъ. Когда я сѣлъ въ дилижансъ, то мнѣ было грустно нѣсколько времени, а потомъ стало какъ-то странно.

Я не могъ себѣ вообразить, что я ѣду не только въ чужіе края,—нѣтъ, что я просто уѣхалъ отъ васъ на нѣсколько дней. Я видѣлъ только, что я теперь не вмѣстѣ съ вами,—такимъ образомъ не вмѣстѣ, какъ это часто бывало, когда я ѣздилъ изъ деревни въ Москву. Я смотрѣлъ въ окно, говорилъ съ купцемъ, но все это такъ, какъ бы я не разставался съ вами даже на недѣлю, какъ бы я долженъ былъ скоро опять увидать васъ.

Мы пріѣхали на Черную грязь; тутъ отдалъ я красненькую кондуктору, и получилъ отъ него сдачи (мнѣ должно было заплатить ему 6 р. 50 к. асс.) 95 коп. серебромъ.

Мы вошли въ гостиницу; тамъ взяли мы съ Усачевымъ 2 порціи на троихъ ²⁾.

Въ дилижансѣ все ѣдутъ купцы и одинъ нѣмецъ, уроженецъ Риги, Шредеръ. Онъ спросилъ меня по-французски, не за границу ли я ѣду. Я отвѣтилъ, что да, — и мы съ нимъ познакомились. За обѣдомъ былъ еще проѣзжій, который сталъ хвалить Петербургъ; но Шредеръ сказалъ, что Москва ему нравится гораздо больше, хотя въ Петербургѣ онъ больше нажилъ денегъ. Обѣдъ нашъ кончился. Я хотѣлъ расплачиваться, но Усачевъ удержалъ меня, сказавъ, что, такъ какъ онъ платитъ за двоихъ (за своего прикащика), то, чтобы не расплачиваться между собою, онъ заплатитъ одинъ за два обѣда, а я за весь третій.

¹⁾ Попутчикъ до Петрограда, купецъ Усачевъ. *Ан. Ал.*

²⁾ Съ Усачевымъ былъ прикащикъ. *Ан. Ал.*

Мы съѣли и поѣхали. Усачевъ заснулъ. Тогда мнѣ стало грустно, когда подумалъ я: „какъ! неужели я уѣхалъ? и надолго, можетъ быть!“ Но потомъ въ эту грусть протекло пріятное чувство. Я буду писать къ вамъ, милые, дражайшіе мои родители. Какъ пріятно будетъ сообщать мнѣ вамъ всѣ свои впечатлѣнія!.. Поѣхали, не могу писать.

Городня, 1/4 10-го.

Мысли смѣняются у меня одна другою. Много образовъ является мнѣ: то встаетъ передо мною Петербургъ со всею своею извѣстною и дорогою для меня будущностью, то представляется мнѣ филологія со своими задачами, то мое дѣтство, картины—воспоминанія моего дѣтства, которыя имѣютъ для меня глубокое, таинственное и истинное значеніе. Все это проходитъ по душѣ моей, и тогда мыслью переношусь я къ вамъ, милые, дражайшіе мои родители! Ахъ! если бѣ только вы не грустили, или, по крайней мѣрѣ, въ грусть вашу вошло бы пріятное чувство. Вы, вѣрно, простили меня, дражайшіе родители мои, во всемъ, въ чемъ я былъ виновенъ передъ вами ³⁾.—Прощайте, ѣдемъ.

(До сихъ поръ писано карандашемъ).

Ранѣе нежели въ 1 часъ ночи дилижансъ былъ въ Тверь, выѣхавъ изъ Москвы въ половинѣ десятаго. Тутъ я заснулъ и проспалъ до Мѣднаго, гдѣ была маленькая задержка въ лошадахъ. .

Теперь мы въ Торжокѣ; начало 8-го часа. Усачевъ подчуетъ меня чаемъ, но я отказался. Съ Шредеромъ мы познакомились побольше: онъ поѣдетъ изъ Петербурга въ Ригу, пробывши въ первомъ отъ 4 до 10 дней, смотря по обстоятельствамъ. Можетъ быть, поѣдемъ мы вмѣстѣ. Шредеръ—веселый, бодрый нѣмецъ, съ нѣсколькими плутоватою фізіономіей; онъ даетъ безпрестанно на водку извощикамъ и пошучиваетъ съ ними очень забавно. Онъ знаетъ мою фамилію; говоритъ, что слыхалъ про меня отъ Армфельда, у которыхъ вы можете спросить объ немъ, милые, дражайшіе родители.

Усачевъ, мой товарищъ, очень умный отъ природы чело-вѣкъ и съ нѣкоторымъ образованіемъ.

³⁾ Намекъ на неудачную романтическую любовь. См. предисловіе. *Аж. Ал.*

Я здѣсь только пишу перомъ, а то все писалъ карандашемъ въ дилижансѣ, и посылаю къ вамъ все какъ есть. Вы сейчасъ увидите по перемѣнѣ руки, когда дилижансѣ трогался съ мѣста.

Прощайте, милые, дражайшіе родители! Я думаю, что не прежде Петербурга напишу къ вамъ письмо. Впрочемъ, быть можетъ, еще изъ Новгорода... А пока прощайте, милые, дражайшіе родители! Обнимаю васъ крѣпко, крѣпко. Будьте здоровы, веселы. Какъ ваше здоровье, милый мой папенька?

Я здоровъ, бодръ. Нисколько не смущаюсь возникающею самобытностью; напротивъ, чувствую, какъ распускаются мои крылья ⁴⁾.

Прощайте, милые, дражайшіе мои родители! Цѣлую ваши ручки, обнимаю Мишку ⁵⁾ и сестеръ. Всѣхъ добрыхъ знакомыхъ обнимаю.

Среда, восьмой часъ.

II.

Первое письмо изъ Петербурга. 10-го іюня, 12-й часъ.

(Дяденькинъ домъ ⁶⁾)—по Царскосельскому проспекту, на углу пятой линіи Измайловскаго полка, подъ № 82).

(Извините, дражайшіе мои родители, что скверно пишу; извините, пожалуйста).

Изъ моего адреса, милые, дражайшіе родители, вы можете видѣть, что дѣло приняло не худой оборотъ ⁷⁾. Да, да, и судьба избавила меня отъ всей тягости своего удара. Но я лучше по порядку расскажу вамъ всѣ ощущенія, которыя переиспыталъ я во все это время.

⁴⁾ При отъѣздѣ К. С. Аксакова, впервые надолго разлучавшагося съ семьей, высказывались опасенія, что ему трудно будетъ справиться съ заботами и мелочами жизни, которыхъ до сихъ поръ, окруженный попеченіями семьи, онъ не зналъ. *Ам. Ал.*

⁵⁾ Маленькій братъ К. С. Аксакова, умершій въ ранней юности (въ 1841 г.). *Ам. Ал.*

⁶⁾ Домъ Г. И. Карташевскаго. См. предисловіе. *Ам. Ал.*

⁷⁾ Намекъ на нѣсколько натянутыя отношенія съ семьей дяди изъ-за романтической любви къ его дочери, Маріи Григорьевнѣ Карташевской. Она осталась дѣвушкой до конца жизни. К. С. Аксаковъ, какъ извѣстно, не только никогда не женился, но и остался на всю жизнь дѣвственникомъ. *Ам. Ал.*

Во время дороги на меня нападало какое-то страшное безчувствіе, равнодушіе, изъ котораго я только иногда вырвался. Неисповѣдимы пути сердца человѣческаго. Въ какихъ странныхъ формахъ является чувство! Напримѣръ, самое это мнимое равнодушіе, что значило оно? Прекращеніе чувства?.. Но такого внезапнаго прекращенія быть не можетъ; къ тому же, это равнодушіе только временное, а чувство не можетъ прекращаться и возобновляться такъ легко; стало быть, чувство не прекращалось, и даже, можетъ быть, это мнимое равнодушіе было одною изъ его формъ, и чѣмъ сильнѣе оно, тѣмъ глубже чувство, скрывающееся подъ нимъ. Но намъ тяжела, однако, минута, когда на душѣ такая апатія... Я вспоминалъ о васъ, мои дражайшіе родители, безъ грусти, думалъ о Петербургѣ безъ волненія. Путешествіе, филологія, всѣ интересы жизни какъ-то сглаживались. И вдругъ тихая грусть выводила не надолго меня изъ этого состоянія. Вчера, подѣзжая къ Петербургу, я какъ будто потерялъ понятіе. Да и почему же онъ такъ волнуетъ меня, да какъ же? Мнѣ просто это казалось непонятнымъ: или, лучше, я не могъ себѣ представить, вспомнить, въ чемъ дѣло.

Но когда я увидѣлъ границу Петербургской губерніи, и особенно за двѣ станціи, волненіе снова наполнило меня и не оставляло до гостиницы дилижанса. Тутъ взялъ я комнату; мнѣ хлопоты съ чемоданомъ разстроили расположеніе. Я вышелъ на улицу, чтобъ ѣхать къ Гришѣ ⁸⁾, и снова равнодушіе,—нѣтъ, безпамятство, тупость овладѣли мною. Я ѣхалъ по набережной Фонтанки, не понимая, что я въ Петербургѣ. Мнѣ казалось почти, что я въ Москвѣ. Петербургъ... какъ... Дилижансъ... что такое? Все это смѣшалось, слилось въ какую-то безобразную массу. Наконецъ, мнѣ стало такъ тяжело, и у меня даже мелькнула мысль о сумасшествіи... Но тутъ уже началась грусть, которая—всегда благодатное чувство. Я пришелъ въ заведеніе ⁹⁾, послалъ швейцара за Гришей. Гриша прибѣжалъ. Я бросился къ нему, сталъ говорить съ нимъ, и слезы нѣсколько разъ навертывались у меня на глазахъ: мнѣ было такъ горько. Но слова Гриши совершенно успокоили меня; онъ сказалъ, что меня ждетъ те-

⁸⁾ Братъ К. С. Аксакова, въ то время учившійся въ Петроградѣ. *Ан. Ал.*

⁹⁾ Учебное заведеніе, гдѣ учился братъ. *Ан. Ал.*

тенька съ нетерпѣніемъ, что дядя одобряетъ мое путешествіе; наконецъ, что, кажется, они желаютъ какого-то примиренія.

Итакъ слова Гриши вмѣсто тяжелой неизвѣстности дали мнѣ пріятную извѣстность. Можете себѣ представить. Я простился съ братомъ и уже ѣхалъ весело по Петербургу, хотя исполненный волненіемъ и ожиданіемъ: я уже понималъ, что я—въ Петербургѣ.

Пришедши въ гостиницу, послалъ я записку (какъ мы условились съ Гришей) къ тетенькѣ и дяденькѣ, гдѣ дружески извѣщалъ ихъ о моемъ пріѣздѣ, и опять былъ въ ожиданіи. Человѣка послали часу во второмъ, и онъ не воротился до четырехъ. Я бѣсился, справлялся поминутно и, наконецъ, послалъ другого человѣка съ такой же запиской. Черезъ нѣсколько времени дверь отворяется—и вбѣгаетъ Иванъ ¹⁰⁾. Онъ бросился съ такою дружбою ко мнѣ на шею и такъ крѣпко обнималъ меня. Я, разумѣется, тоже. Онъ сказалъ мнѣ, что дяди и тети нѣтъ дома, но что Машенька ¹¹⁾ приказала просить меня обѣдать; однако, я рѣшился ждать вѣсти отъ дяди и тети. Черезъ нѣсколько времени дверь опять отворилась, и вбѣжалъ Митя ¹²⁾ съ человѣкомъ, чтобы забрать мои пожитки и ѣхать къ тетенькѣ. Итакъ, я сѣлъ въ коляску съ нимъ, съ Ваней, и мы поѣхали.

Разумѣется, тутъ у меня не было равнодушія. Дядю я замѣтилъ на балконѣ; онъ вышелъ къ намъ на крыльцо, и, несмотря на всѣ приготовленія, я глубоко возмутился духомъ, такъ что, когда вошли мы въ залу, я не знаю, что было у меня на лицѣ, но дядя спросилъ меня съ участіемъ: „что вы?“ Иванъ говорилъ, что я былъ блѣденъ. Машенька встрѣтила насъ; я поцѣловалъ у нея руку и почти не узналъ ее... Странно: она сдѣлала на меня, кажется, то же впечатлѣніе, какъ въ мой первый пріѣздъ,—слѣдовательно, не похожее на впечатлѣніе Богородскаго ¹³⁾.

¹⁰⁾ П. С. Аксаковъ, братъ К. С., впоследствии знаменитый публицистъ. Онъ былъ на 6 лѣтъ моложе К. С. *Ан. Ал.*

¹¹⁾ Двоюродная сестра К. С. Аксакова, въ которую онъ былъ влюбленъ. *Ан. Ал.*

¹²⁾ Двоюродный братъ К. С. *Ан. Ал.*

¹³⁾ С. Богородское, подъ Москвою, съ которымъ было связано воспоминаніе о началѣ романтической любви К. С. *Ан. Ал.*

Вѣдь, полтора года прошли,—шутка ли? Вообще пріемъ былъ ласковъ и очень ласковъ. Разговоръ мой съ Машенькой былъ принужденъ, да и вообще слова у меня не вязались.

Послѣ обѣда дядя, тетя (очень ласковые со мною) и Машенька уѣхали смотрѣть юнкеровъ, которые выступаютъ въ походъ. Я перенесъ свои пожитки изъ гостиницы вмѣстѣ съ людьми Надежды Тимоѣевны ¹⁴⁾ и сталъ говорить съ Ваней. Мнѣ стало грустно очень. Въ самомъ дѣлѣ, я взглянулъ на свое положеніе въ тѣ полтора года, изнурившіе меня, погубившіе у меня много силъ, остатокъ которыхъ я несу въ чужіе края сохранить и укрѣпить: я пробѣгалъ въ мысли все то событіе ¹⁵⁾, и теперь продолжающееся, вспоминалъ всѣ различныя ощущенія, мною вынесенныя, чувствовалъ себя изнуреннымъ, ослабленнымъ, убитымъ... Да, я—разбитое дерево, которое, не знаю, подыметъ ли свои вѣтви. Я сравнивалъ себя 1836 г. съ собою 1838 года,—какая ужасная разница! Боже мой! грустно и теперь становится. Если бы дяденька и тетенька обратили на все это настоящее вниманіе, во многомъ бы они извинили меня, и вотъ передо мной, изнуреннымъ, лежить даль чужихъ краевъ, какъ возможность какого-то освѣженія, вдали отъ мѣстъ моей отчизны...

Да, я еще болѣе хотѣлъ ѣхать въ чужіе края. Дядя и тетя уговорили меня пожить въ Петербургѣ, — и странно: дядя, тетя, Машенька—всѣ казались мнѣ какими-то призраками, а не живыми существами. Они мелькали передо мной, я смотрѣлъ на нихъ... Все это было такъ странно.

Дядя, тетя и Машенька воротились. Грустный, я вошелъ къ нимъ. Машенька разливала чай и предложила мнѣ чашку чаю; я сѣлъ къ столу, и тутъ, какъ бывало прежде, принимая чашки изъ рукъ Машеньки, я наполнился сладкимъ чувствомъ. Мнѣ стало такъ хорошо, я бы все пилъ чай! Показалось мнѣ даже, что дядя и тетя, ушедшіе въ это время въ сосѣднюю комнату, желали, чтобы я началъ мало по малу разговоръ. Я такъ и сдѣлалъ, и скоро сталъ говорить и читать стихи, но такъ громко, чтобы дядя и тетя слышали. Говорить опять, опять читать стихи Машенькѣ...

¹⁴⁾ Н. Т. Каргашевская, тетка К. С., родная сестра его отца. См. предисловіе. *Аж. Ал.*

¹⁵⁾ Свою романтическую любовь. *Аж. Ал.*

Послѣ полутора года... О, какъ это было мнѣ отраднo! Я былъ счастливъ въ эти минуты. Наконецъ, Машенька встала, я за нею, и пошелъ въ тѣ комнаты, гдѣ были дядя и тетя. Я скоро простился съ ними и пошелъ въ отведенную мнѣ комнату, но туда я пришелъ совсѣмъ съ другимъ расположеніемъ... Да, отрадное протекло въ грудь, я чувствовалъ въ себѣ больше силъ, я былъ счастливѣе.

О, милые мои, дражайшіе родители! Вы порадуетесь вмѣстѣ со мною каждой счастливой моей минутѣ. Итакъ, я говорю вамъ, что онѣ были, были въ тотъ вечеръ, когда я разговаривалъ и читалъ стихи Машенькѣ. Но странно: все мнѣ кажется однимъ сномъ, все я не соображу что-то, особенно эти полтора года. Пусть Вѣра ¹⁶⁾, къ которой я напишу особенное письмо, раздѣлитъ со мною заочно мое счастливое чувство. Однако, я не стану очень читать стихи и рассуждать. Я посмотрю, какъ это нравится дядѣ и тетѣ, а можетъ быть, и просто спрошу ихъ. О вашемъ письмѣ, мой дражайшій отесенька ¹⁷⁾, я тоже думаю поговорить откровенно: я еще не отдавалъ его ¹⁸⁾.—Этотъ день былъ полонъ для меня разныхъ ощущеній и потрясеній. О, неисповѣдими пути сердца человѣческаго!

Но пора кончить, уже 12-й часъ, завтра надо рано встать, а то я и то предыдущую ночь почти всю не спалъ и ѣлъ очень мало. Однако, кромѣ горечи во рту, которая проходить, я чувствую себя прекрасно.

Иванъ, ложась со мною спать, сказалъ мнѣ, что для него было большое удовольствіе слушать меня, что онъ давно не слышалъ уже моихъ разговоровъ.

Такъ какъ я многого еще не написалъ, то продолженіе въпредъ. Прощайте, милые, дорогіе родители, до слѣдующаго письма. Крѣпко обнимаю васъ, цѣлую ваши ручки, всею душой любящій васъ и покорнѣйшій сынъ

Константинъ А.

¹⁶⁾ В. С. Аксакова, любимая сестра К. С., бывшая моложе его годомъ. *Ам. Ал.*

¹⁷⁾ Такъ обыкновенно К. С., а затѣмъ и всѣ его братья и сестры называли отца, не желая называть его взятымъ съ иностраннаго слова „папа“, „папенька“. *Ам. Ал.*

¹⁸⁾ Найти этого письма вамъ пока не удалось. *Ам. Ал.*

Полтора года... все, что было въ это время... право, не умѣю понять. Деньги я отдалъ тетѣ¹⁹⁾; она какъ-будто выросла, мнѣ такъ показалось. Прощайте еще разъ, дражайшіе родители, еще разъ прощайте. Обнимаю васъ. Да благословить васъ Богъ.

Братьевъ и сестеръ обнимаю. Отвѣта на это письмо буду я ожидать въ Петербургѣ, можетъ быть.

III.

Второе письмо изъ Петербурга.

12 іюня. Воскресенье.

Вчера, милые мои, дражайшіе родители, получилъ я ваше письмо, и мнѣ такъ грустно стало: въ вашемъ письмѣ видна такая горестъ; и тутъ живѣе, нежели когда-нибудь, живѣе, нежели при разлукѣ, почувствовалъ я, что отъ васъ далеко. Вотъ я получилъ отъ васъ и второе письмо, и то же впечатлѣніе произвело оно на меня. Я писалъ вамъ два раза съ дороги, и не знаю, получили-ли вы мои письма. Я скажу вамъ откровенно, что мнѣ часто становится грустно, но грусть моя не тяжка, милые мои родители.

Тотъ вечеръ, счастливый для меня, о которомъ я писалъ вамъ, былъ краткимъ этюдомъ моего здѣсь пребыванія. Судьбѣ было угодно возобновить передо мной всю сладость былого времени, но только на минуту. Да, мнѣ уѣхать необходимо. Тамъ, гдѣ-нибудь далеко отсюда, одинъ отдохну я, соберусь съ силами послѣ всего горя, которое испыталъ я, и признаюсь: я нисколько не хочу забвенія. Нѣтъ, пускай никогда не оставятъ меня ни воспоминаніе, ни грусть; но пусть, по крайней мѣрѣ, нѣсколько времени не буду я возмущаться новыми непріятностями, пусть грусть моя будетъ постоянно глубока и тиха. Здѣсь я еще болѣе почувствовалъ всю истину словъ моихъ, милые, дражайшіе родители. Какъ тяжело было мнѣ иногда говорить что-нибудь вслухъ, при всѣхъ и не успѣть доказать мысль свою. Я боюсь, что Машенька, безъ полного развитія какой-нибудь мысли, можетъ

¹⁹⁾ О передачѣ какихъ именно денегъ идетъ рѣчь, сказать съ увѣренности не имѣемъ данныхъ. *Ан. А. Г.*

превратно понять ее, можетъ составить ложное понятіе объ образѣ моихъ мыслей... Это мнѣ тяжело бываетъ. Звукъ голоса Машеньки послѣ тяжелой, долгой разлуки отрадно было услышать мнѣ: я желалъ, чтобъ она больше говорила; намъ почти осталось чувствовать взаимное присутствіе и слышать звуки голосовъ нашихъ. Дяденька и тетенька, несмотря на ласки свои, очевидно отдаляютъ меня отъ дальнѣйшихъ объясненій.

Въ субботу ѣздили мы съ тетей провожать артиллеристовъ, потомъ пошелъ я къ Надеждину²⁰⁾, отдалъ ему все, что слѣдуетъ, и встрѣтилъ тамъ Краевскаго²¹⁾ и Панаева²²⁾, съ которыми познакомилъ меня Надеждинъ и которые съ удовольствіемъ, особливо Панаевъ, познакомились со мною. Съ Краевскимъ завязался у насъ споръ. Онъ—довольно ограниченный человекъ. Панаевъ, съ которымъ, возвращаясь домой, мы шли вмѣстѣ, прекрасный малый, съ душою теплою; онъ звалъ меня къ себѣ (также и Краевскій), съ участіемъ спрашивалъ о *Наблюдатель*²³⁾, любилъ Бѣлинскаго, что ему и передайте, милый мой отесенька. — Въ субботу пришелъ Гриша; братья очень любятъ меня и съ радостью готовы хлопотать обо всемъ, что для меня нужно. Вечеромъ поздно я долго говорилъ съ дяденькой. Онъ слушалъ меня съ большимъ удовольствіемъ, и я чуть-чуть не коснулся объясненія. На другой день на лодкѣ осматривалъ я Петербургъ, изъ котораго бѣгу, какъ и изъ Россіи, бѣгу къ уединенію, къ тишинѣ, къ мирному труду, мирной грусти.

Въ воскресенье обѣдалъ Ник. Иван.²⁴⁾ Передъ обѣдомъ тетенька пришла ко мнѣ въ комнату, и у насъ съ ней на-

²⁰⁾ Николай Ивановичъ Надеждинъ (1804—1856)—извѣстный критикъ (псевдонимъ — Никодимъ Надоумко), предшественникъ Бѣлинскаго, профессоръ, основатель журнала *Телескопъ* (1831—1836), запрещеннаго въ 1836 г. за „Философическія письма“ Чаадаева. *Ан. Ал.*

²¹⁾ Андрей Александровичъ Краевскій (1810—1889)—извѣстный журналистъ, издатель журнала *Отечественныя Записки* (съ 1839 г., и газеты *Голосъ* (съ 1862 г.). *Ан. Ал.*

²²⁾ Иванъ Ивановичъ Панаевъ (1812—1862)—извѣстный журнальный дѣятель и беллетристъ. Съ 1847 г., вмѣстѣ съ поэтомъ Н. А. Некрасовымъ, издавалъ журналъ *Современникъ*. *Ан. Ал.*

²³⁾ Здѣсь разумѣется журналъ *Московскій Наблюдатель*, негласнымъ редакторомъ котораго былъ въ это время В. Г. Бѣлинскій. *Ан. Ал.*

²⁴⁾ Надеждинъ. *Ан. Ал.*

чалось объясненіе, безпорядочное, въ которомъ довольно трудно было убѣдить тетеньку, которое не кончилось и, можетъ быть, еще продолжится. Дяденька очень ласковъ со мною; но поступки и движенія Машеньки многіе непонятны мнѣ. Впрочемъ, тутъ столько недоговореннаго, недосказаннаго, а мнѣ бы хотѣлось сказать одно слово, чтобы Машенька вѣрила, что я—все тотъ же, и отъ нея то же услышать.

Билетъ мой ужъ взятъ,—ѣду, ѣду. Прощайте, дражайшіе мои родители. Какъ я предчувствовалъ, такъ и сбылось: разлука съ вами теперь мнѣ ощутительнѣе. Разставаясь съ Петербургомъ, расстанусь я со всѣмъ драгоценнымъ моему сердцу. Чуждыя страны впереди. Прощайте, милые родители мои. Цѣлую ваши руки. Вашъ *Костенька*.

Прощайте.

Приписка съ боку:

Спѣшу ковчить: хлопоты. О, не грустите, милая моя маменька!

Другая приписка съ боку:

Не грустите; ради Бога, не грустите. Я здоровъ,— а какъ ваше здоровье, милый, милый мой отесенька? Напишите правду.

IV.

Третье письмо изъ Петербурга.

Вторникъ, 14 іюня.

Вчера не получилъ я писемъ отъ васъ, милые, дражайшіе родители мои, вѣроятно, потому что вы писали въ пятницу; нынче за то получу я два письма.—Мнѣ часто бываетъ грустно; но здоровье мое совершенно хорошо, такъ что я не ожидалъ даже. Въ четвергъ я ѣду отсюда.

Мнѣ показалось, что моего отъѣзда не желаютъ здѣсь.— Я писалъ вамъ, добрые, милые мои родители, что въ воскресенье у насъ начинался разговоръ съ тетенькой. Я и тетенька горячились, разговоръ не кончился настоящимъ образомъ, и тутъ-то подумалъ я, что мнѣ не должно здѣсь больше оставаться. Билетъ былъ сейчасъ взятъ, чемоданъ переложень, но, къ удивленію моему, я замѣтилъ послѣ того желаніе тетеньки нѣсколько сблизить меня съ Машенькой.—Вчера былъ

у насъ опять разговоръ, но тетенька весь продолжила его въ шутовомъ тонѣ; мои убѣжденія остались безуспѣшны, потому что, когда тетенька не могла ничего сказать въ отвѣтъ, она говорила: „я такъ хочу, что дѣлать“. Дядя замѣтилъ, что у насъ есть такой разговоръ, но у него былъ Сем. Мар. Ивашковскій ²⁵⁾. Послѣ обѣда я опять спорилъ вслухъ, сѣзидилъ купить съ тетенькой суму дорожную, которая здѣсь удобнѣе московскихъ, а потомъ, возвратясь, я читалъ статью о грамматикѣ, которая очень понравилась дяденькѣ, который вообще очень ласковъ со мною и во многомъ соглашается (я виноватъ былъ очень передъ нимъ).

Вчера я не могъ долго заснуть, тоска овладѣла мною, и я написалъ письмо къ дяденькѣ и тетенькѣ, но преимущественно къ дяденькѣ. Это письмо я не прочелъ еще, и мнѣ бы хотѣлось прочесть именно дяденькѣ.

Все то же чувствую я, чувствую приближающуюся грусть, чувствую, что Машенька будетъ сопровождать меня всюду. Часто, ходя по Петербургу, я испытывалъ всю горестъ воспоминанія о времени протекшемъ, которое не возвращается. Между тѣмъ, я долженъ сказать, что я не могъ не замѣтить перемѣны въ Машенькѣ. Да, въ ней большая перемѣна, и я не могу говорить, не могу узнать, какъ, что въ ея душѣ, и попрежнему передать ей свои мысли. А въ ней большая перемѣна. Она всегда спокойна. Лице ея всегда весело; часто уходила она, когда я начиналъ развивать свои понятія дяденькѣ или тетенькѣ, часто, среди словъ моихъ, обращалась она съ шуткой къ Ванѣ или Гришѣ. О! конечно, не все исчезло; конечно, ей пріятно меня видѣть; но это совсѣмъ не то, и Гриша былъ правъ: ей такъ хорошо теперь въ ея сферѣ; ей, кажется, не о чемъ грустить. И зачѣмъ ей слова мои, которыя, впрочемъ, слушаетъ она съ удовольствіемъ? Они потеряли для нея прежнее значеніе. Пусть будетъ такъ. Но это, огорчая меня, не ослабляетъ нисколько моего чувства, прекраснаго, которое на всю жизнь останется со мною: это—святѣннѣ моя. Есть много незначущихъ, повидимому, фактовъ, которые говорятъ много. Часто разливаешь она чай; я пью тогда, это смѣшно немного, но я пью тогда по три чашки.

²⁵⁾ Семенъ Мартыновичъ Ивашковскій († 1850)—профессоръ московскаго университета. *Аж. А. I.*

Да, въ самомъ дѣлѣ, эти полтора года сдѣлали большую, большую переимѣну. Даже при свиданіи, когда я былъ возмущенъ до глубины души и когда лице выражало, разумѣется, мое состояніе—оно не отразилось на лицѣ Машеньки. Итакъ съ этою мыслью я уѣду, можетъ быть. Мнѣ не нравится нарядъ Машеньки, ни платье, ни прическа, я ни разу не видѣлъ ее въ зеленомъ, а розовое передѣлано, кажется; только одинъ кофейнаго цвѣта шлафрокъ напоминаетъ мнѣ Москву и Богородское. Боже мой! было и пролетѣло это время.

Я все пишу, милые, дражайшіе родители мои, о томъ, что теперь такъ меня занимаетъ. Сдѣлайте милость, поцѣлуйте руку за меня у Вѣрочки и обнимите ее; если будетъ время, котораго какъ-то у меня все не хватаетъ, то напишу и ей.

Прощайте, дражайшіе родители мои. Впереди трудъ, наука, грусть, воспоминаніе и германская природа.

Вчера переѣхалъ я Неву въ порядочные валы вмѣстѣ съ Сашей,²⁶⁾ который точно—молодецъ. Мнѣ чрезвычайно обрадовался Коля²⁷⁾, и я его самъ полюбилъ. Онъ теперь здѣсь.—Нынче ѣдемъ мы въ Петергофъ. Видѣлъ Топорнина²⁸⁾, который не слишкомъ мнѣ обрадовался и который похудѣлъ и подурнѣлъ. Вотъ совсѣмъ забылъ купить Шмидта²⁹⁾.

Прощайте, милые, дражайшіе мои родители. Пишите правду о вашемъ здоровьи, милый отесенька. О, не грустите: теперь меня снова занимаетъ уже филологія; я воображаю, какъ буду работать. Я! да, я могу быть ученымъ! Приѣду, можетъ быть скоро, чтобы печатать мою грамматику. Прощайте, дражайшіе родители мои. Крѣпко обнимаю васъ и цѣлую ваши ручки.—Мое письмо несвязно, но теперь еще оно не можетъ быть связнѣе. Прощайте, милый мой отесенька, милая моя маменька, не грустите, а то мнѣ станетъ вдвое грустнѣе. Прощайте.

Вашъ *Костенька*.

²⁶⁾ и ²⁷⁾ Двоюродные братья. *Ан. Ал.*

²⁸⁾ Знакомый семьи Аксаковыхъ. *Ан. Ал.*

²⁹⁾ Или Як. Ив. Шмидтъ (1779—1847), составитель „Грамматика монгольскаго языка“ и пр., или Юліанъ Шмидтъ (1818—1886), вѣмецкія критикъ. *Ан. Ал.*

V.

Четвертое письмо изъ Петербурга.

15 іюня. Середа. На одной почтѣ съ предыдущимъ.

Милые, дражайшіе родители мои!

Какъ радъ былъ я, прочетши ваши послѣднія письма, и какъ удивительно, что вы не получаете ничего отъ меня, тогда какъ я два раза писалъ съ дороги! Какъ мнѣ весело, что ваша грусть уменьшается и, милый отесенька, ваше здоровье въ хорошемъ положеніи! До слезъ становится мнѣ грустно при чтеніи вашихъ писемъ; но эта грусть не разрушаетъ души моей. О! милые мои родители, пишу вамъ немного, но чтобъ сказать веселую новость.

Вчера вамъ забылъ отправить письмо, а потому нынче вы получите два. Пишу нѣсколько строкъ. Третьяго дня я былъ долго вечеромъ съ дяденькой; мнѣ хотѣлось говорить съ нимъ, но я не рѣшался. Когда ушелъ я спать, то мнѣ казалось, что и онъ того же хотѣлъ; тогда я надѣлъ халатъ, чужіе сапоги, пошелъ наверхъ, но онъ уже заперся. Возвратившись, я не могъ спать до двухъ часовъ и сталъ писать письмо къ дяденькѣ, которое не отдалъ, но мнѣ нужно было выразить себя.

На другой день я рѣшился говорить съ нимъ, говорилъ долго, онъ слушалъ меня серьезно и вмѣстѣ ласково. Я сказалъ, что чувство мое соединено съ моею жизнію, но что все таки его не такъ поняли; что если не будетъ исполненія моего желанія, т. е. сношеній прежнихъ, переписки, то, по крайней мѣрѣ, грусть тихая, глубокая и неизмѣнная не оставитъ меня до конца: да, все это я чувствую такъ живо... Вотъ счастье высшее, какое когда либо могу я найти на землѣ! Дяденька говорилъ мнѣ, что порывы, иногда бѣшеные, которые онъ замѣчалъ во мнѣ, смущали его, но что, если все это успокоится, онъ будетъ радъ, онъ желаетъ возобновить переписку (хотя я у него ничего не просилъ, а высказалъ ему мою душу); онъ сказалъ мнѣ, что должно погодить два, три, четыре—не болѣе—мѣсяца, чтобъ увидать положеніе дѣла. Меня обрадовали, вы можете себѣ представить, его добрыя слова, хотя все это

еще будущее. Вамъ, мои дражайшіе родители, спѣшу я сообщить этотъ лучъ благодатной надежды. О! крѣпко обнимаю васъ до завтра. Цѣлую ваши ручки и Вѣрочкины.

Вашъ *Костенька*.

Приписка съ боку:

Не сердитесь на меня, милые, дражайшіе родители, что мало и дурно написалъ. Еще разъ обнимаю васъ, дражайшіе, милые родители.

VI.

Пятое письмо изъ Петербурга.

15 июня, среда на четвергъ, 12 часовъ ночи.

Пишу вамъ на простой бумагѣ, милые, дражайшіе мои родители. Теперь весь домъ спитъ. Завтра въ 10 часовъ я выѣзжаю изъ Петербурга.

Итакъ прощай, милая Россія, дорогая страна! Сколько горестей и радостей было мною здѣсь испытано, сколько воспоминаній!—Боже мой! вся жизнь моя прикована къ этимъ мѣстамъ; нѣтъ, нельзя, только безчувственный человѣкъ можетъ поселиться на чужбинѣ.

Да, прощайте, милые, дражайшіе родители мои, болѣе всего будьте спокойны и веселы.

Что до меня, дражайшіе мои родители, то я ѣду почти спокойный, еслибы не грусть разлуки съ вами, съ Петербургомъ, съ Россіей. Да, милые, дражайшіе родители мои, надежда сопровождаетъ меня въ мой далекій путь. Дяденька сказалъ, что онъ согласенъ, чтобъ я передалъ современемъ Машенькѣ все, что было со мною въ продолженіи этихъ двухъ лѣтъ. Богъ дастъ, если не совѣмъ, то вполнину исполнится мое желаніе. Я веселъ ѣду. Последнее время съ Машенькой мы были свободнѣе, и вотъ я ѣду.

Да, кстати, возьмите, милые, дражайшіе родители, у Бѣлинскаго Лауру ³⁰⁾, подъ предлогомъ, что Вѣрочка хочетъ срисовать ее; непременно, прошу васъ. Я ему достану въ чужихъ краяхъ. Прощайте, милые, дражайшіе родители мои. Половина второго.

Вашъ *Костенька*.

³⁰⁾ Гравюра заграничной работы. А. А. А.

Благословите меня, милые, дражайшіе родители мои.

Приписка на другой сторонѣ:

Еще разъ крѣпко, крѣпко обнимаю васъ, милые родители мои. Еще разъ прощайте. Вновь расстаюсь съ вами.

VII.

Письмо съ дороги, за 40 верстъ отъ Петербурга.

Четвергъ 16 іюня.

Я за сорокъ верстъ отъ Петербурга, милые, дражайшіе родители мои. Не говорю вамъ, какъ грустно было мое прощаніе! Что касается до моего здоровья, то оно въ прекрасномъ положеніи. Теперь-то я на настоящей дорогѣ, теперь-то я расстался со всѣмъ, что для меня дорого.

Я взялъ мѣсто съ кондукторомъ, и возлѣ меня сѣла одна нѣмка, оставившая въ Петербургѣ дѣтей и мужа. Она задумчиво меня разспросила, сказала, что мужъ ея освѣдомлялся, съ кѣмъ она ѣдетъ, и ему сказали, что это очень порядочный человекъ.

Вокругъ меня все иностранцы. Я не буду останавливаться ни минуты на дорогѣ.

Да, простился, точно простился я теперь со всѣмъ, что такъ сильно, такъ живо занимаетъ мою душу. Русскій ямщикъ запѣлъ пѣсню, и она такъ сильно отозвалась во мнѣ: онъ для меня теперь—представитель моей Россіи.

Прощайте, милые, дражайшіе родители мои. Будьте веселы, здоровы. Я здоровъ совершенно. Обнимаю васъ крѣпко и цѣлую ручки. Братъевъ и сестеръ обнимаю. Меня провожали дяденька и тетенька: они такъ ласковы, такъ добры. — Несется время, воспоминаніе одно не оставляетъ насъ. Прощайте, прощайте, дражайшіе родители мои. Будьте здоровы, веселы. Скоро еще напишу къ вамъ. Прощайте, прощайте.

Вашъ *Гостенька*.

VIII.

Оттуда-же.

Вотъ я и не въ Петербургѣ уже, милые дяденька и тетенька: сорокъ верстъ уже раздѣляетъ насъ, и впереди путь

далекій, далекій! Грустно будетъ, и много разъ будетъ грустно. Но эту грустью соединяюсь я теперь со всѣмъ, что для меня дорого, со всѣмъ, что я оставилъ въ моей милой Россіи.

Вокругъ меня все чужіе. Признаюсь, что нѣмка довольно несносна. Она плакала о своихъ дѣтяхъ и, не смотря на слезы, безпрестанно меня спрашивала, сказала, что мужъ ея освѣдомлялся и что ему сказали, что это „ein sehr orientalischer Mann“. Скоро она утѣшилась и, видя, что отвѣты мои слишкомъ кратки, пустилась разговаривать съ кондукторомъ и извощикомъ. Пересяду, если можно, въ другое мѣсто.

Съ какою любовью смотрю я на русскаго ямщика! Въ его лицѣ для меня существуетъ теперь вся Россія. Онъ запѣлъ пѣсню, и никогда еще пѣснь русскихъ не дѣйствовала такъ особенно на меня. Да, теперь я понимаю, какъ дорого мнѣ мое отечество.

Прощайте, милые дяденька и милая тетенька. Благодарю васъ за все отъ души. Обнимаю васъ крѣпко. Обнимаю братьевъ, у всѣхъ сестеръ цѣлую ручки. Прощайте.

Когда я пріѣхалъ на станцію, мнѣ опять стало грустно; но я ѣду съ твердостью въ душѣ, я чувствую необходимость эту. Прощайте еще разъ. Вспоминайте обо мнѣ. Я буду писать къ вамъ. Итакъ уже Петербургъ за мною! Еще разъ прощайте.

Всею душею преданный племянникъ *К. Аксаковъ*.

Какъ сонъ, проходитъ все! Какъ сонъ, промчалось и это время! Ёду ли я? Куда я ѣду? что это все? эта жизнь? Но я твердъ. Богъ дастъ—все будетъ хорошо.

IX.

Письмо изъ Дерпта.

Дерптъ. 18-го іюня.

Вотъ я и въ Дерптѣ, милые, дражайшіе родители. Я думаю, вы получили письмо мое, писанное съ первой станціи, и знаете, какъ грустно было мнѣ разставаться съ Россіей. Теперь я въ самомъ дѣлѣ почти уже не въ Россіи, вокругъ меня звучитъ нѣмецкій языкъ, нѣмецкія лица и глупыя чу-

хонскія рожи. Пока путешествіе мое идетъ очень хорошо, только очень тихо. У насъ четыре дамы, которыя, по свойственной имъ вообще привычкѣ, любятъ долго оставаться на станціяхъ. Студентъ Бутбергъ, съ которымъ я познакомился, хорошій малый, но обыкновенный; онъ очень учтивъ и прислуживаетъ этимъ дамамъ; я, хотя всегда держу себя учтиво, но далеко. Нѣмка, которая сѣла со мною и отъ которой, слава Богу, я избавился (она пересѣла въ карету, въ порожнее мѣсто), эта нѣмка спросила меня: „у васъ жена въ Петербургѣ?“ Я разсмѣялся и сказалъ ей, что мнѣ еще рано жениться. Она сконфузилась и сказала мнѣ, что потому такъ заключила обо мнѣ, что я—такой степенный.

Далеко уже я отъ Москвы, милые, дражайшіе родители мои, и все ѣду дальше и дальше, но не надолго, я думаю, нѣтъ! Если въ это лѣто я сдѣлаю уже успѣхи въ древнихъ языкахъ и напишу первую часть грамматики, такъ непременно возвращусь домой. Какъ это будетъ весело! Я увѣренъ, что, наконецъ, я стану здѣсь заниматься, наконецъ улыбнется мнѣ счастье; чистъ будетъ лежать надо мной голубой небосклонъ. Свое счастье воображаю я тихимъ вечеромъ, однимъ изъ вечеровъ Богородскаго; солнце уже зашло, заря разлилась по небу, и я, вполне согласный душою съ этимъ чуднымъ, таинственнымъ состояніемъ природы, сижу надъ прудомъ—и счастливъ... да, здѣсь счастье! Но, милые мои родители, вы знаете, я вамъ говорилъ нѣсколько разъ: чтобъ мнѣ быть счастливу, мнѣ нужно, чтобъ мои отношенія съ Машенькой были восстановлены. Моя дружба, мое чувство къ ней глубоко живетъ въ моемъ сердцѣ, и, не смотря на краткость пяти дней, на то, что (особливо сначала) я принуждалъ себя, боялся сказать лишнее слово, не смотря на то, что многое осталось недоговореннымъ и что недоговоренное давить и теперь мою душу—новую жизнь почувствовалъ я въ себѣ, а сколько разныхъ ощущеній сильныхъ, глубокихъ потрясло, благодатно потрясло меня! Кончилась моя апатія, теперь снова жизнь бьется во мнѣ.—Дяденька говорить, что онъ нисколько не противъ нашей дружбы, не противъ взаимнаго стремленія душъ нашихъ, но только формы, слишкомъ рѣзкія, и мои безумные порывы, при ограниченіи сношеній, смущали его. — „Милый дяденька,—сказалъ я, — пусть наше чувство будетъ глубже

какъ можно; должно только, чтобъ оно не высказывалось въ такихъ формахъ, которыя могли бы обратить на себя постороннее вниманіе. Высшее счастье для меня передавать общую истину существу, которое любить душа моя, вмѣстѣ съ нимъ созерцать вселенную, стройную гармонію міра, всюду проявляющуюся"... Этого желаю, это обѣщалъ мнѣ дяденька и даже говорилъ, что позволить передать все, что было со мной впродолженіи этого времени.

Прощайте, прощайте, дражайшіе родители.

Вашъ Кистенька.

X.

Оттуда-же

Дерптъ. 18 Іюня.

Милый мой дяденька и милая тетенька!

Итакъ я теперь уже далеко отъ Петербурга, уже мысль одна можетъ меня переносить туда; вокругъ меня все чужіе, и вся внутренняя жизнь заключается теперь въ груди моей.

Вы сказали, милый дяденька, чтобы я писалъ къ вамъ прямо, и я прямо пишу къ вамъ; пишу, что чувствую. Какъ грустно мнѣ было на первой, но особливо на второй станціи! Эта скучная вѣмка пересѣла на другое мѣсто, и я одинъ могъ вполнѣ предаться тоскѣ моей. Какъ быстро прошли эти пять дней! Сколько еще не успѣлъ я сказать, и какъ тяжело было принужденіе, которое я наложилъ на себя, особенно въ первые дни! Теперь утро; небо такъ чисто, воздухъ такъ свѣжъ!.. и въ душу мою переходитъ это благодатное состояніе природы; надежда, ожиданіе лучшаго въ будущемъ, невольно сходитъ въ мое сердце. Будетъ, дастъ Богъ, будетъ то время, когда тяжелое и горькое исчезнетъ, когда жизнь во всей своей красотѣ, украшенная небесною грустью, предстанетъ передъ нами; а грусть нельзя отдѣлить отъ жизни: эта грусть наводится самимъ счастьемъ. Посмотрите, на какую хотите, ясную картину природы; посмотрите на ясное небо: какъ ни торжественно оно, но если вы сильно на душу примете это впечатлѣніе, то у васъ на-вернутся слезы. Откуда же слезы эти? Не есть ли это тайное сознаніе безконечности, таинственности жизни неисчер-

паемой, безпредѣльной?.. сознание, которое производить въ васъ святую грусть. О, такое чувство грусти да никогда не оставитъ меня, ни всѣхъ, кого люблю я!...

Какая досада! Кондукторъ зоветъ, все готово, напишу еще нѣсколько строкъ.

Есть горе, это другое дѣло, и въ горѣ можно найти отраду; но человѣкъ всегда стремится къ счастію, но только къ счастію человѣческому, открывающему передъ нимъ таинственный безконечный міръ другого счастія, отъ котораго, какъ я сказалъ, слезы навертываются на глазахъ. Не могу писать подробнѣе, милый дяденька: пора, спѣшу.—На дорогѣ встрѣтилъ я—кого бы вы думали?—Каролину Пейнеръ съ сестрою и матерью. Сколько я ни старался заговорить о Машенькѣ, зная ихъ прежнюю дружбу, она не отвѣчала ничего и откланялась.

Прощайте. Обнимаю васъ, цѣлую ручки у всѣхъ сестрицъ, братьевъ обнимаю.

Всею душою вашъ *Константинъ А.*

XI.

Первое письмо изъ Риги.

Рига. 19 Іюня.

Итакъ я уже въ Ригѣ, милые, дражайшіе родители мои, такъ далеко отъ васъ! Сижу въ гостиницѣ. Окна мои выходятъ на узенькую улицу. Дома, люди, языкъ—все чужое. Мысли о путешествіи вышли изъ головы моей во все продолженіе дороги изъ Петербурга въ Ригу. Воспоминанія, другія мечты замѣнили мнѣ все прежнее. Богородское, Апухтино, Москва, Петербургъ—вотъ что занимало меня. . . .

Въ самомъ дѣлѣ, я совсѣмъ не думаю уже теперь такъ долго оставаться за границей, а возвратъ мой въ Россію будетъ наградой за мое прилежаніе. Какъ весело будетъ ѣхать къ вамъ, дражайшіе родители мои! Кто знаетъ: въ ноябрѣ увидимся, если, Богъ дастъ, будемъ живы и здоровы. Можетъ быть, я еще застаю васъ въ деревнѣ въ ноябрѣ.

Да, весело, очень весело будетъ! А теперь—я весь воспоминаю. Впрочемъ, болѣе или менѣе это былъ мой всегдашній

характеръ, и часто воспоминаніе мое горько бываетъ. О, Боже мой! когда я вспомню 1836 годъ, переберу въ умъ моемъ все то счастливое время, и потомъ все горе, которое за нимъ послѣдовало, а тамъ эти ужасные полтора года, не могу передать вамъ, милые, дражайшіе родители, всего тяжкаго чувства, которое это на меня производитъ; когда нибудь развѣ оно выльется вполнѣ. Годъ и 10 мѣсяцевъ не видался я съ Машенькой,—сказать страшно. Въ какихъ обстоятельствахъ разстались мы! И вотъ мы встрѣтились послѣ такой долгой разлуки. И что-же? Въмѣсто искреннихъ, сердечныхъ объясненій я почти боялся сказать слово, взглянуть лишній разъ на Машеньку. И надолго ли было это свиданіе? На пять дней. Сколько недоговореннаго, недосказаннаго!

Это томило и до сихъ поръ томить меня. Я не знаю, милые, дражайшіе родители, всѣ ли письма доходятъ до васъ. Я въ третій разъ уже пишу съ дороги изъ Петербурга. Къ тому же, письма мои такъ несвязны и отъ внѣшнихъ и отъ внутреннихъ обстоятельствъ, что я не помню хорошенько, что писалъ.—Я хотѣлъ ѣхать за границу по многимъ причинамъ, которыя всѣ вамъ извѣстны, милые родители мои, и особенно потому, что-бы найти тамъ успокоеніе, чтобъ выйти изъ тяжелаго состоянія, въ которомъ я находился въ Москвѣ; начать заниматься, жить, и чтобъ воспоминаніе о Машенькѣ, о всемъ происшедшемъ никогда не оставляло меня и перешло бы у меня въ постоянную грусть,—грусть, необходимую для истинной моей жизни. Надежда казалась мнѣ почти потерянною; но у насъ былъ разговоръ съ дяденькой, милые, дражайшіе родители,—я вамъ писалъ, кажется, про это; дяденька далъ мнѣ надежду, и это сдѣлало большое вліяніе на все; это уничтожило во мнѣ прежнее грустное, убитое, но уже опредѣленное состояніе; эта новая надежда ввела меня снова въ неизвѣстность: исполнится ли мое желаніе, можно ли будетъ намъ свободно поговорить съ Машенькой или нѣтъ?... И вотъ опять по прежнему та же грусть. Эта неизвѣстность теперь тревожитъ меня. Пишу къ дяденькѣ: онъ хотѣлъ, кажется, читать вслухъ мои письма. Вотъ, милые, дражайшіе родители мои, несвязныя слова вашего Костеньки, который передаетъ ихъ вамъ откровенно, зная, что все это найдетъ участіе въ васъ, дражайшіе ро-

дители мои. И какъ грустно мнѣ всегда бываетъ, когда получаю или перечитываю ваши письма! Не знаю,—можетъ быть, я сдѣлался слезливъ, но у меня всегда навертываются тогда слезы.—Въ самомъ дѣлѣ грустно; и что за неволя вѣхать! По крайней мѣрѣ, не долго пробуду, и потомъ снова къ вамъ, дражайшіе родители мои, въ родную, милую Москву. Нѣтъ, не хочу долго пробыть: что въ самомъ дѣлѣ, мѣсяца три, не больше!—Поработаю надъ латинскимъ и греческимъ, а восточными могу заняться и въ Петербургѣ.

Признаюсь, путешествіе не можетъ имѣть на меня сильнаго впечатлѣнія: я слишкомъ теперь въ себѣ, чтобъ могъ замѣчать всѣ внѣшнія достопримѣчательности.

Собираюсь нынче же писать вамъ, милые, дражайшіе родители, большое письмо, гдѣ отдамъ возможный отчетъ о моемъ путешествіи въ видѣ „Писемъ русскаго путешественника“³¹⁾. А пока прощайте, до свиданія, мои милые, дражайшіе родители.

Я теперь понимаю, гдѣ будетъ грустно мнѣ: не въ дорогѣ, а вотъ при остановкахъ.

До свиданія, милый отесенька и милая маменька.

Приписано съ боку:

Я теряю всякое мужество, если подумаю, что хотя только три мѣсяца впереди,—тяжело.

XII.

Оттуда-же и того-же числа.

Милая сестра Вѣра! Прочтя мое письмо къ отесенькѣ и маменькѣ, ты поймешь, какъ тяжело мнѣ было, какъ безпрестанно мнѣ приходило въ голову мое свиданіе съ Машенькой, такое привужденное, тяжелое. Я сердился и на себя тысячу разъ, зачѣмъ я не сказалъ другого, потому что, если не въ первые дни, то въ послѣдніе, можно было сказать. Машенька могла не видѣть всѣхъ разнородныхъ волненій моихъ, а видѣла только боязливость съ ней въ разговорѣ, если не всегда, то часто; если она не такъ перетолковывала многія слова мои; если иногда мысли, которыя

³¹⁾ Извѣстная книга Н. М. Карамзина. Дн. Дл.

высказывалъ я въ спорахъ, высказывались у меня не вполне... Да что высчитывать? Все это недосказанное, всё новыя недоразумѣнія, могущія произойти отъ того, почти безпрестанно меня мучили до самой Риги. Подъѣзжая къ Ригѣ только, я спросилъ себя, какъ бы очнувшись: „Да кто-жь велѣлъ мнѣ такъ торопиться изъ Петербурга?“ Въ самомъ дѣлѣ, во все это время я сдѣлалъ такіе странные поступки, что самъ удивляюсь. Но размышлять я не могъ: я былъ такъ полонъ такихъ различныхъ движеній, меня несло то туда, то сюда противоположными ощущеніями,—а потому всякое движеніе было во мнѣ слѣдствіемъ минуты, за которою иногда слѣдовала минута, совершенно ей противоположная. Но ты можешь себѣ представить и понять мое положеніе, милая Вѣра.

Впрочемъ, отъѣзда моего были, разумѣется, нѣкоторыя причины. Тутъ было маленькое происшествіе, котораго я не успѣлъ разказать отесенькѣ и маменькѣ, но которое, все равно, расскажу здѣсь. Въ воскресенье обѣдалъ у тетеньки Николай Иванычъ ³²⁾. Передъ обѣдомъ сталъ онъ спрашивать меня о путешествіи своимъ стариннымъ тономъ. Я разсердился нѣсколько и отвѣчалъ ему довольно отрывисто. Вошла Машенька, онъ сталъ съ ней говорить, и разговоръ этотъ явно показывалъ продолженіе прежняго разговора; ты можешь себѣ меня представить! Онъ коснулся съ насмѣшкою Шиллера. Я сидѣлъ, сидѣлъ, вскочилъ и ушелъ; за мною побѣжалъ Иванъ, потому что это было довольно рѣзко; потомъ пришла тетенька, которой я сказалъ причину, и тутъ у насъ съ ней начались разговоры, о которыхъ я писалъ прежде. Наконецъ, позвали обѣдать. Я сказалъ Надеждину, что уходилъ писать нужныя письма. Такъ какъ разговоръ нашъ продолжался, то, слѣдовательно, продолжались вмѣстѣ и непріятныя выраженія. Я наговорилъ ему много рѣзкаго и, къ удивленію моему, видѣлъ, что Машенька, которая могла видѣть непріятное мое положеніе, разговаривала съ нимъ, отвѣчая на вопросы и даже начиная говорить. Это меня еще болѣе огорчило. Послѣ обѣда я подошелъ къ Надеждину и сказалъ ему, чтобъ онъ, если хочетъ говорить со мною, оста-

³²⁾ Надеждинъ. *Ан. Ал.*

вилъ свои любезныя шуточки. Онъ сталъ мнѣ говорить, что онъ этого не можетъ, что я могу и разбранить и прибить его, но что онъ все не перестанетъ, потому что не можетъ, чтобы не говорить со мною такъ же по-дружески, какъ прежде. „Полноте,—сказалъ я тогда, вы не прямо говорите“. Это, наконецъ, его проняло, и онъ сказалъ, смутясь, что послѣ этихъ словъ намъ нельзя оставаться вмѣстѣ, и потому или онъ уйдетъ или я долженъ его оставить. Я сказалъ, что не хочу лишать хозяина удовольствія его видѣть, и потому уйду.

Итакъ, надѣлавши столько глупостей, сошелъ я внизъ. Тамъ Гриша съ Иваномъ приступили ко мнѣ, говоря: „ну, что ты дѣлаешь, не вредишь-ли ты самъ себѣ?“—Да,—сказалъ я,— правда. Ъхать поскорѣе, вотъ что мнѣ теперь осталось!—Въ самомъ дѣлѣ, въ это время предо мною все было такъ печально, безотрадно почти.—Гриша,—сказалъ я,—ступай за билетомъ. Иванъ, перекладывай чемоданъ.—Въ минуту чемоданъ былъ переложень, но когда Гриша, пріѣхавъ черезъ полчаса, сказалъ, что взялъ мнѣ билетъ, то мнѣ показалось, что онъ произнесъ мой приговоръ. Билетъ былъ на середу. Я тутъ-же сталъ бранить его, зачѣмъ онъ такъ рано взялъ; но Гриша взялъ съ уговоромъ перемѣнить на четвергъ, послѣ котораго дилижансъ шелъ не прежде, какъ во вторникъ. Итакъ я рѣшился ѣхать въ четвергъ. Что подтвердило меня въ этомъ намѣреніи, такъ это то, что дяденька не очень останавливалъ меня, тетенька также, но это было еще прежде нашихъ настоящихъ объясненій. Съ дяденькой объяснились мы не прежде вторника, кажется.—И, не смотря на принужденность или, лучше, неопредѣленность отношеній, мнѣ выдавалось нѣсколько такихъ пріятныхъ, такихъ отрадныхъ минутъ въ разговорѣ съ Машенькой! Но что и говорить,—даже просто быть вмѣстѣ—это такая радость! Впрочемъ, ты это и сама по себѣ можешь хотъ нѣсколько представить, субъективно. Но, не смотря на все это, я очень удивляюсь, какъ я не остался далѣе въ Петербургѣ. Тутъ были настоящія причины и предлоги,—причины, сами по себѣ меня занимавшія: я не получалъ отъ отесеньки и маменьки ни одного отвѣта на мои письма; одинъ день я вовсе не получилъ писемъ. Когда-то узнаю я отъ васъ что-нибудь?

Другъ и братъ *Константинъ А.*

XIII.

Второе письмо изъ Риги.

Рига, 20 іюня.

Я еще почти вовсе не описывалъ вамъ своего путешествія съ внѣшней стороны, милые, дражайшіе родители, и теперь, имѣя нѣсколько часовъ свободнаго времени, могу сдѣлать это.

Начну съ Петербурга. Первый визитъ мой былъ къ Н. И. Надеждину. Тамъ встрѣтилъ я Панаева и Краевского, съ которыми познакомился, а съ послѣднимъ крѣпко поспорилъ; и тотъ и другой звали меня къ себѣ. Я пошелъ къ первому, нашелъ его квартиру. Его маленькій братъ ввелъ меня въ его комнату. Боже мой! Я думалъ, что вошелъ въ будуаръ. Розовый цвѣтъ наполнялъ всю комнату, бюсты, статуи, обтянутыя кисеей затѣйливыя кресла, чернильница, всѣ приборы для письма—изъ всего было видно, что здѣсь живетъ литераторъ, который хочетъ дать знать всѣмъ объ этомъ и изъ своихъ нуждъ дѣлаетъ предметъ роскоши. Итакъ, это первое впечатлѣніе было очень невыгодно для моего новаго знакомства. Его не было въ первой комнатѣ, онъ умывался въ другой и просилъ меня подождать. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вошелъ ко мнѣ въ широкихъ, полосатыхъ, красныхъ брюкахъ и кацавейкѣ. Я выпучилъ глаза. Панаевъ замѣтилъ это, и просилъ меня извинить его. У насъ начался разговоръ. Онъ чрезвычайно любитъ Бѣлинскаго, и хочетъ писать къ нему. Я не знаю, сказывалъ ли вамъ, что я объявилъ напрямки Панаеву свое мнѣніе о его повѣстяхъ, т.е. что я не видалъ въ нихъ много художественности, но за то его самого видѣлъ и имъ любовался. Что касается до Краевского, то онъ согласился, что это человѣкъ бездарный и безсильный. Онъ рассказывалъ мнѣ про всѣ мерзости, всѣ сальности Петербургской литературы; повѣрить нельзя. Развѣ только въ Петербургѣ могутъ твориться такія гнусности. Кукольникъ, Сенковский, Булгаринъ, Гречъ³³⁾—вотъ знаменитыя имена подлецовъ Россійской Имперіи. Что всего забавнѣе, Воейковъ³³⁾ не можетъ жить безъ Бѣлинскаго, и въ одно время и любить и нена-

³³⁾ Извѣстные писатели и журналисты того времени. *Ан. Ал.*

видить его.—„Вѣдь онъ очень умный, очень умный малый, да такъ иногда дурить; а онъ—голова“. Это онъ безпрестанно повторяетъ. Въ великое смущеніе привели его стихи мои, подъ именемъ Эврипидина ³⁴⁾. „Что-жь это они, никакъ шутятъ этими стихами? а вѣдь это поэтъ, да какой поэтъ!“ Панаеву понравились тоже эти стихи, но никто не зналъ, что Эврипидианъ—я. Съ Панаевымъ разстались мы дружески; онъ—добрый, теплый молодой человекъ: я полюбилъ его, не смотря на кацавейку и розовыя занавѣски.

Въ это короткое время мало видѣлъ я Петербургъ, но все больше, нежели прежде. Съ Каменноостровскаго моста видъ прекрасный. Островъ—это прелесть. Я былъ въ Петергофѣ и видѣлъ море въ первый разъ. Былъ вѣтеръ въ то время; валы высоко и шумно плескали и сливались вдаль съ небесами, я долго не могъ оторваться и все глядѣлъ вдаль. Чудный, величественный образъ! Мнѣ стало грустно; все это волновало душу, вся жизнь моя, казалось мнѣ, выражалась въ этомъ великомъ явленіи, все приняло на себя этотъ дивный образъ.

Вечеромъ возвратились мы въ Петербургъ. Ко мнѣ пришелъ Д. Топорнинъ ³⁵⁾, похудѣвшій, поблѣднѣвшій. Я принялъ его ни ласково, ни холодно. Онъ говоритъ, что я нисколько не перемѣнился. Онъ видѣлъ Кобылина, Теплова, Шевырева ³⁵⁾, и никто не хотѣлъ ему дать порядочной обо мнѣ вѣсти.

Вотъ вся внѣшняя сторона моей Петербургской жизни.

Сѣлъ я, наконецъ, въ дилижансъ; наконецъ, должно было ѣхать; меня проводили дяденька, тетенька, Иванъ, Саша и Надеждианъ, съ которымъ—я забылъ сказать—я опять видѣлся и увѣрилъ его, что не вызывалъ его на дуэль, какъ это онъ утверждалъ тетенькѣ, дяденькѣ и Ивану, который былъ у него послѣ нашей схватки. Возлѣ меня сѣла эта нѣмка, о которой писалъ я вамъ и которая стала надоѣдать мнѣ своими разговорами. Мы пріѣхали на станцію. Тутъ увидѣлъ я всѣхъ своихъ спутниковъ: студентъ петербургскій Бутбергъ, какая-то русская Тамезлина съ сестрою, потомъ двѣ нѣмки. Я былъ вовсе не любезенъ, потому что ни слова

³⁴⁾ Псевдонимъ К. С. Аксакова. *Ан. Ал.*

³⁵⁾ Знакомые семьи Аксаковыхъ; послѣдній изъ нихъ—извѣстный профессоръ московскаго университета. *Ан. Ал.*

почти не говорилъ со своими спутниками. Нѣмка спросила меня: „Sie haben ihre Frau in Petersburg?“ (у васъ жена въ Петербургѣ?). Я разсмѣялся и сказалъ, что мнѣ еще слишкомъ рано жениться. Она смѣшалась и отвѣчала, что сдѣлала это заключеніе по моему степенному виду. Спутница моя меня оставила, и я очень былъ этому радъ. Одинъ вполне могъ я предаваться своимъ мыслямъ и своей грусти. Съ Бутбергомъ скоро мы познакомились; онъ — хорошій малый, учтивый, прекрасно себя держитъ. Кондукторъ — добрый человѣкъ, нѣсколько грубый по наружности, что къ нему очень идетъ. Мы ѣхали скоро. Иногда мѣстоположенія были прекрасны. На другой день, прѣхавъ въ Нарву, я снова увидаль море, и очень близко. Скоро въѣхали мы въ проклятую чухну.

Сейчасъ вмѣсто четверки впрягли намъ восемь лошадей, и, несмотря на то, мы поѣхали гораздо тише. Почему, скажите, почему русскій ящикъ на четверкѣ везетъ скорѣе, нежели чухонецъ на восьми лошадяхъ?

На это развѣ одинъ отвѣтъ: то русскій, а то чухонецъ. Невозможно передать того гордаго, презрительнаго вида, съ которымъ кондукторъ, природный русакъ, смотрѣлъ на чухонскій народъ. Всѣ мужчины и женщины у нихъ ходятъ съ распущенными волосами, всѣ бѣлокурые, и у всѣхъ пре-глухныя рожи.

Вся дорога усыпана большими, иногда огромными кусками гранита. Безпрестанно попадаются корчмы, гдѣ чухонцы останавливаются пить шнабсъ.

Мы проѣзжали мимо Чудскаго озера (Пейпусъ). Озеро большое, но не глубокое, — по крайней мѣрѣ, съ этой стороны; это можно было сейчасъ видѣть по ширинѣ и по пѣнѣ валовъ, которые взволновали песочное дно, и потомъ по кускамъ гранита, которые идутъ далеко въ озеро.

Я смотрѣлъ на воду. Кондукторъ нашъ толкнулъ чухонца и спросилъ: „Что это, дикіе или русскіе гуси?“ — „Не знай, пария“, — отвѣтилъ тотъ. — „Безтоlochъ!“ — сказалъ кондукторъ съ презрѣніемъ.

Одинъ чухонецъ насмѣшилъ насъ всѣхъ. Ёдучи, замѣтилъ онъ вдругъ красивую птицу, которая пролетѣла въ кусты: тотчасъ остановилъ онъ лошадей, отдалъ вожжи кондуктору, который, вѣроятно, думалъ, что онъ идетъ что-нибудь поправить, и сталъ шарить въ кустѣ, надѣясь поймать пти-

цу. Другіе мои спутники не могли понять, въ чемъ дѣло, и когда я растолковалъ имъ, то смѣхъ былъ общій. Чухонецъ, не поймавъ птицы, усѣлся на козлы, и мы продолжали путь свой.

На третій день, въ субботу, пріѣхали мы въ Дерптъ, гдѣ написалъ я письма вамъ, милые, дражайшіе родители, и не успѣлъ ихъ порядочно окончить. Тутъ оставили насъ двѣ русскія пассажирки, и сѣла еще нѣмка съ маленькимъ сыномъ. Вечеру присоединился къ намъ одинъ дерптскій студентъ, который сѣлъ напередъ вмѣстѣ со мной. Онъ сейчасъ заговорилъ со мной и, узнавъ, что я изъ московскаго университета, сталъ меня спрашивать, какъ тамъ живутъ студенты, есть ли тамъ студенческія общества, собранія. „Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — ничего этого нѣтъ“.—Университетъ московскій стѣсненъ ли?—„Да, тамъ инспекторы, субъ-инспекторы“.—Ахъ, Боже мой!—сказалъ мой студентъ, —что-жъ это такое? Первое условіе жизни человѣка—свобода: когда онъ чувствуетъ себя свободнымъ, свободно дѣйствуетъ, движется, тогда только онъ—настоящій человѣкъ, а у васъ въ университетѣ живутъ, какъ ученики, а не какъ студенты.—Тогда мнѣ стало досадно за московскихъ студентовъ, и я сказалъ дерптскому: „Свобода, однако же, не состоитъ въ томъ, чтобы студенты собирались пить и пировать. Если бы московскіе студенты имѣли такую волю, то и тогда они не стали бы подражать Дерпту въ этомъ отношеніи, потому что это совсѣмъ не въ ихъ духъ“.—Да, это правда, — отвѣчалъ дерптскій студентъ. „Потомъ еще,—сказалъ я,—повѣрьте, что свобода человѣка зависитъ отъ него самого, и можно сохранить ее среди всякихъ притѣсненій“.—Да, и это правда,—сказалъ опять студентъ. Мнѣ было довольно весело съ нимъ. Онъ началъ пѣть свои *burschen Lieder*, рассказывалъ проказы дерптскихъ студентовъ,—и все это такъ живо, съ такимъ огнемъ! Его все веселило. Если лошади пустятся вскачь, то онъ приходилъ въ восторгъ, подвистывалъ, подхлопывалъ; если же чухонецъ останавливался, то онъ кричалъ ему по-русски: „ѣзжай, ѣзжай!“

Когда мы пріѣхали на станцію, я сказалъ Бутбергу: „возь мы трое представляемъ теперь три университета Россіи“. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ мы чрезвычайно разнились между собою. Я держалъ себя степенно и, хотя былъ учтивъ, но нисколько не любезенъ съ дамами, для меня существуютъ

вообще высшіе интересы жизни. Петербургскій студентъ Бутбергъ проводилъ жизнь по-петербургски, извѣженно, пользовался внѣшними удовольствіями, и, разумѣется имѣлъ много въ себѣ хорошаго. И, наконецъ, этотъ третій—дерптскій студентъ тоже искалъ внѣшнихъ наслажденій, но, по крайней мѣрѣ, не вялыхъ, не утонченныхъ, а въ шумныхъ студенческихъ пирушкахъ. Бутбергъ хорошо говоритъ по-французски, а этотъ пресмѣшно вмѣшивааетъ: „А, mon dé“³⁶⁾.

Ночью проѣхали мы Вольмаръ и на другой день вечеромъ были въ Ригѣ. Огромныя стѣны, странныя украшенія на воротахъ, двѣ статуи рыцарей у одного входа, готическія колонны, биржа, остроконечныя крыши, узенькія улицы; наконецъ цѣлый лѣсъ мачтъ — все это даетъ Ригѣ особый характеръ, все напоминаетъ старинное рыцарство:

Рукою лѣтъ разбитыя громады,
Гдѣ бранная воспитывалась честь.

Переночевавъ, я отправился съ письмомъ къ Гессе³⁷⁾ отъ дяденьки. Извозчикъ, нѣмецъ, посадилъ меня въ какую-то телѣжку и на парѣ лошадей довезъ куда надо, всего полторы версты, и взялъ съ меня этотъ безсовѣстный извозчикъ—40 к. Каково! Гессе не было дома. Тамъ солдатъ, стоящій на часахъ, разспрашивалъ меня о Москвѣ, о Курскѣ (онъ—курскій) съ такимъ участіемъ. Я хотѣлъ ему и русскому дворнику дать денегъ, но они ни за что не хотѣли брать; большого труда стоило мнѣ отдать имъ эти деньги. Нынче обѣдалъ я въ русскомъ трактирѣ.

Прощайте, дражайшіе мои родители! Написалъ вамъ сколько могъ больше внѣшнихъ моихъ дорожныхъ приключеній, и, признаюсь, мнѣ гораздо пріятнѣе писать просто къ вамъ, чѣмъ на душѣ у меня.

Прощайте, прощайте, дражайшіе родители мои,—можетъ быть, до Берлина.

Вашъ *Константинъ*.

Сообщилъ А. А. Александровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

³⁶⁾ Неправильное произношеніе словъ: „Ah, mon Dieu!“ *Ан. Ал.*

³⁷⁾ Военный губернаторъ Риги. *Ан. Ал.*